

*Всем маленьким девочкам
следует говорить о том, что они красивы,
даже если они таковыми не являются.*

1

— И не вздумай сегодня задерживаться, поняла? — требовательно наставляет меня голос Василины. — Платье и туфли я приготовила, но тебе ведь еще нужно успеть голову помыть, чтобы накрутить локоны.

Я способна выдавить лишь неопределенное «угу», потому что в данный момент слишком озабочена перспективой быть раздавленной мясистой тушей заместителя генерального, вошедшего в лифт вслед за мной. Странно видеть Сергея Борисовича так рано, ведь обычно это я — единственная, кто приезжает в офис на сорок минут раньше остальных. Люблю, не торопясь, включить компьютер, приготовить себе кофе и сделать коротенькую утреннюю медитацию для плодотворного дня.

— Таня, зайди ко мне, — говорит Дивеев вполборота, как только двери разъезжаются. — Надо документы по «СтройДору» еще разок посмотреть.

Вздыхнув, я запикиваю телефон в карман брюк и плетусь за ним следом. Сегодня придется обойтись без кофе и медитации. Ну а что мне было ответить?

«Сергей Борисович, перестаньте борзеть и взгляните на часы. Видите? Рабочий день еще не начался». Не так уж и часто он меня к себе дергает, в конце концов, что бы и не перетерпеть.

— Через минуту буду у вас, — обещаю я, притормозив возле двери своего кабинета. — Только вещи оставлю.

Надеюсь, Василина не обиделась, что я так резко прервала разговор. Просто она мне с этим походом в клуб все уши прожужжала. Я сначала идеей загорелась, но ближе к назначенной дате стала потихоньку сдуваться. Римма Радиковна, главный юрист «Кристалла» и моя непосредственная начальница, ушла в отпуск, и я вторую неделю работаю за двоих. Домой прихожу, выжатая как лимон, успеваю только чай попить и сразу отключаюсь. Стирки накопилось столько, что вчера даже Василина не выдержала и сама запихала белье в машинку.

Оставив сумку, я захожу в кабинет зама и моментально упираюсь взглядом в стильно взлохмаченный затылок, возвышающийся над посетительским креслом. Судя по отсутствующей мясистой складке на шее и широким плечам, в нем сидит не Дивеев.

— Здравствуйте, — здороваюсь я, быстро оглядываясь в поисках зама, которого нигде нет. — А Сергей Борисович куда-то вышел?

Вместо ответа незнакомец плавно разворачивается вместе с креслом и смеривает меня взглядом. На короткое мгновение я чувствую взволнованное трепыхание в груди, но быстро беру себя в руки. Просто

немного растерялась оттого, что мужчина напротив оказался неожиданно привлекательным. Привлекательным, на мой дилетантский взгляд. У него слегка удлинненная челюсть, покрытая щетиной, такой же нарочито небрежной, как его прическа, взгляд прямой, дерзкий, ироничный. Пальцы, лежащие на подлокотнике, длинные, ноги, обутые в модные черные туфли, — тоже.

Я его знаю. Громов Дан Андреевич. Бывший вице-президент «Скабо», в прошлом году добровольно покинувший свой пост без видимой на то причины. Ходили слухи, что он уехал то ли на Кипр, то ли в Хорватию, чтобы заниматься яхтингом. Кстати, за это я его глубоко осуждаю. Сколько ему лет? Точно не больше тридцати пяти. Рановато для того, чтобы устать от карьерных достижений и уйти на покой, сменив деловой костюм на плавательные шорты.

— Сам его жду, красавица, — ослепительно улыбается Громов, заставляя меня вспыхнуть от такого ласково-фамильярного обращения, к тому же произнесенного глубоким баритоном. — Сможешь пока сделать мне кофе?

Щеки, как по щелчку, перестают гореть, усилившееся биение в груди стихает, за каких-то пару секунд приходя в норму. Вопрос про кофе возвращает меня в реальность, из которой нечаянно выбило непривычное «красавица».

Нет, мне совсем не обидно, кто бы из вас что себе ни придумал. Меня давно нисколько не коробит тот факт, что мужчины не относятся ко мне как к сексу-

альному объекту. И уж тем более такие, как Громов. Это все равно, что подписаться на Криштиану Роналду в Инстаграме и злиться, что он не подписывается в ответ. Пусть я не обладаю выдающейся внешностью, зато с мозгами и интеллектом у меня порядок, а это куда важнее.

— Кофе вам сделает секретарь, — вежливо отвечаю я, глядя ему в глаза. — Думаю, она будет здесь минут через двадцать.

— Прошу меня извинить, красавица. — Громов прикладывает свои до странности длинные пальцы к груди и постукивает по карману пиджака, демонстрируя глубокое раскаяние. — Я пять часов провел в самолете — голова плохо соображает. Попросишь эспрессо для меня сделать, когда подойдет?

— Хорошо, — отвечаю я еще до того, как успеваю подумать. — Оставлю вас пока... Здесь.

Выйдя за дверь, ощущаю что-то, напоминающее злость. Угадайте, на кого? Нет, вовсе не на бесцеремонного Громова, который, не разобравшись, кто перед ним стоит, упрямо отдавал нелепые распоряжения. Я злюсь на себя. На собственные неконфликтность и бесхребетность. Вот для чего я ответила «хорошо»? Узнай об этом Василина, наверняка рявкнула бы, что я снова веду себя как тряпка, и была бы совершенно права.

Правда, у себя в кабинете быстро успокаиваюсь. Раздражение улетучивается, обмякают плечи. И чего я так напряглась? Разве мне сложно позвонить в приемную и попросить занести кофе в кабинет Дивеева?

Совсем нет. Даже наоборот. Сделать это гораздо легче, чем объяснить мультимиллионеру, почему ему стоит обратиться с этой просьбой не ко мне, а к кому-то другому.

Сергей Борисович, кажется, про меня забыл, потому что повторно к себе не приглашает. А через полчаса, когда я иду в бухгалтерию, вижу, как он провожает Громова к лифту. Коренастый Дивеев на фоне высокого и немного худощавого собеседника выглядит неповоротливым хряком.

— Приходите к нам еще! — трепетно звенит голос Лены, застывшей возле стойки с подносом.

Вот кого без зазрения совести можно назвать красавицей. Секретарь генерального будто сошла со страниц комиксов аниме: глаза на пол-лица, высокая грудь, талия, которой бы позавидовала Скарлетт О'Хара, и бедра, за которые убила бы Бейонсе. Ну и ноги, конечно. Куда без них. Длиннее, чем у любого игрока НБА.

Обернувшись, Громов озорно подмигивает ей, отчего красивые коленки Лены смешно подгибаются, будто их хозяйка вознамерилась присесть в реверансе.

— Конечно, малыш. Ты такой вкусный кофе сделала, что меня теперь от вас не выгонишь.

Что происходит дальше, мне неизвестно, потому что я ускоряю шаг. Скорее всего, они обмениваются телефонами, как это часто происходит в мире симпатий и легких знакомств. И нет, Лене я совсем не завидую. Есть вещи гораздо значимее, чем свидания

и флирт. Например, совершенствовать свои профессиональные навыки, повышать интеллект, развиваться духовно, быть хорошим другом и откладывать деньги на покупку собственного жилья.

* * *

— Нет, ну как же Исакову со мной повезло, а, — приговаривает Василина, обмахивая мое лицо кисточкой для румян. — Девушка у него на все руки мастер. Хочешь — завтрак вкусный приготовит, хочешь — рубашку погладит, хочешь — массаж со счастливым концом сделает, а хочешь — подругу накрашит так, что глаз не оторвать.

— Можно посмотреть? — От нетерпения я начинаю ерзать на стуле, который Василина гордо окрестила креслом визажиста. — Просто я здесь уже полчаса сижу.

— Полчаса она сидит, — фыркает она. — Некоторые каждый день столько времени на сборы тратят, так что раз в три года можешь оптом потерпеть. Это еще повезло, что у тебя кожа хорошая и не приходится наносить пять слоев штукатурки.

Пока Василина воодушевленно делится уловками для маскировки прыщей, я с беспокойством наблюдаю на наряд, разложенный в кресле. Короткий, ярко-красный, облегающий. Прямая противоположность тому, что я привыкла носить. Я люблю, когда одежда не стесняет движений, ткани выбираю максимально натуральные, что само собой, исключает

ет содержание эластана, и цвета предпочитаю нейтральные, если только речь не идет о моем любимом цветастом свитере, купленном несколько лет назад из духа противоречия маме. Василина неделикатно прозвала его «отрыжка хиппи».

— А, может быть, платье другое попробуем? — осторожно уточняю. — Просто я к красному как-то не очень.

— Дай тебе волю, ты в рабочих брюках пойдешь и распугаешь всех потенциальных поклонников, — безжалостно отрезает Вася. — Сама же сказала: «Делай со мной, что хочешь». Так вот, не мешай мне устраивать твою личную жизнь. Имей в виду, Карим уже ныть начал, как ему без меня плохо спится, поэтому скоро капусту тушить тебе придется на одного.

— К нему переедешь? — как можно благодушнее переспрашиваю я, ощущая тоскливое потягивание в груди.

Эту квартиру мы арендуем уже два года, и к веселому соседству Василины я очень привыкла. Нет, я, разумеется, за нее рада. Жизнь не стоит на месте, Карим отличный парень, и они любят друг друга. Все так и должно быть. Просто... я остаюсь одна.

— Перееду, конечно, а как иначе? Но есть и хорошие новости: квартира будет полностью в твоём распоряжении. Можешь ходить голышом, приводить парней и осквернять здесь каждый свободный сантиметр.

Я улыбаюсь:

— Очень смешно.

— Смешно, что ты об этом даже не думаешь. —
Василина отступает на метр и, сощурившись, оце-
нивает мое лицо. — Все, теперь отлично! Можешь
смотреть!

К зеркалу я поворачиваюсь как в замедленной
съемке. Нервничаю немного. Василина так часто
что-то наносила на мою кожу, что есть риск пойти
в клуб размалеванной, как Харли Квинн. А о том, что
мне не нравится макияж, вслух я сказать вряд ли смо-
гу — все-таки Василина ради меня старалась. Прав-
да, с каждой секундой, что я смотрю на свое отраже-
ние, меня отпускает. Косметики на мне достаточно,
но выглядит вполне неплохо. Только губы смущают:
блестящие, яркие, не мои. Вульгарно пухлые, будто
их инъекциями накачали.

— Красиво, — улыбаюсь я Василине, выжидающе
выглядывающей из-за моей спины. — Спасибо боль-
шое. У тебя, определенно, талант.

— А рот у тебя какой сочный, обратила внима-
ние? Всего-то нужно было подчеркнуть контур и на-
нести помаду с блеском.

Я киваю. Непривычно как-то, но ладно. Будем
считать, что подобное перевоплощение — это психо-
логический кейс. Или подготовка к Хеллоуину.

— Все, хватит любоваться! — командует Васи-
лина, разворачивая меня к красному пятну на крес-
ле. — Одевайся так, чтобы красоту не стереть, и пой-
дем. А то Карим уже десять минут назад подъехал.

— Как подъехал? — вскидываюсь я, хватаясь за
платье. — И чего ты молчишь?!

Василина смотрит на меня с непониманием.

— А что я должна была сказать? Мы ведь еще не закончили. Ой, да хватит скакать, как бельчиха. Карим в курсе, что женщинам свойственно опаздывать.

Спешка на десятисантиметровых каблуках, выданных Васей, едва не стоит мне вывернутой щиколотки. В последний раз взглянув на себя в зеркало, я снова чувствую сильнейшее желание остаться дома. Это все не мое: вот это тесное платье, вульгарно подобравшее грудь в подобие детской попки, блестящий рот, волосы, пружинами лежащие на плечах, и голые коленки. Каждый, кто меня увидит, решит, что я выгляжу нелепо, потому что именно так я себя и чувствую. Как ребенок, который в попытке выглядеть старше влез в мамины вещи и украдкой стащил помаду.

— Расправь плечи, пожалуйста, женщина, — шипит Василина, когда мы выходим из подъезда. — Даже Джоли будет выглядеть мышью, если станет горбиться и стыдливо таращиться в пол.

Заставляю себя выпрямиться, хотя из-за того, что парень Василины смотрит на нас, опустив окно, это ох как непросто. Кажется, будто я слышу его мысли: «Для чего она так нарядилась? Ей совершенно не идет».

— Привет, йөрәк маем¹, — громко произносит Василина и, проснувшись в окно, смачно целует Карима в губы.

¹ *тат. моя душа.* — Прим. автора

 Я одновременно радуюсь за нее и по-белому зави-
дую. Той легкости, с которой Василина себя ведет, ее
непринужденной раскованности. Порой ей не доста-
ет такта, но обижаться на нее за это невозможно. Ва-
 силина другая: яркая, красивая, шумная, органичная
в своей взбалмошности.

 Иногда я даже думаю, что хотела бы уметь, как
она: не следить за мимикой собеседника, пытаюсь
разгадать, не доставляет ли ему дискомфорт та или
иная тема, кропотливо не подбирать слова из боязни
 быть неправильно понятой, позволять себе смеяться
так громко, чтобы окружающие осуждающе обра-
чивались, и машинально не оценивать каждый свой
 поступок по шкале «хорошести». Но потом вспоми-
наю, что у меня свой путь, и успокаиваюсь. И нет,
я совсем об этом не сожалею. Медленно, но верно,
я иду к поставленным целям.

 — Привет! — Я не без смущения улыбаюсь Кари-
му и выдаю специально заготовленную шутку: — Не
волнуйся, я ничего не пила.

 Ужасный когда-то был случай. На четвертом курсе
университета Василина и ее старшая сестра вытащи-
ли меня в клуб, где я впервые столкнулась с алкоголь-
 ной амнезией. Очнулась только утром, с разламыва-
ющей головой. Мама со мной потом две недели не
разговаривала, но это не самое страшное. Выясни-
 лось, что Карим великодушно согласился меня дове-
сти до дома, а я ему в благодарность наглядно проде-
монстрировала эвакуационные возможности своего
желудка. Облежала салон, корочке. Стыдоба.

Карим, к счастью, не пытается надо мной подтрунивать, и дорога до клуба проходит комфортно. Особенно радует возможность сидеть, потому что после нескольких десятков ступенек, пройденных на шпильках, икры налились свинцом.

Следующее испытание ждет меня на входе, где нас встречает крупный мышцатый охранник. В тот момент, когда его взгляд падает на меня, я почти уверена, что сейчас он громогласно рявкнет: «А ты — вон!»

— Тебе надо поскорее выпить, Тань, — ворчит Василина, когда нас все же пропускают внутрь. — Стояла с таким видом, как будто у каждой из нас в заднице по полкило амфетамина хранится.

И пока мы втроем идем к двери, из-за которой слышится оглушительный грохот басов, я думаю, что она права. Надо поскорее напиться и отупеть, чтобы покончить, наконец, с этими мучениями.

2

— Так! Давай, пока нам коктейли несут, оглядим имеющийся ассортимент, — бодро командует Василина. — Расскажи, какие парни тебе нравятся? Плотные кабанчики, долговязые жерди или мускулистые аполлоны, как мой Карим? Блондины, брюнеты, шапелены, рыжие?

— Я думала, мы выпить и потанцевать пришли, — замечаю я, безуспешно пытаюсь подтянуть вырез платья вверх.

— Это само собой. Но как же «охота»? Если этот кусок соблазнительной плоти уже занят, — Василина выразительно похлопывает себя по бедру, — значит, главной охотницей вечера назначаешься ты.

— С моими умениями максимум на комаров можно охотиться. Не знаю я, какие мне парни нравятся.

— Перечисли своих актеров любимых тогда.

— Том Хэнкс, — отвечаю я без раздумий, на что Василина недовольно морщится.

— А можно кого-то другого? При всей моей любви к Форесту, горячей фантазией его не назовешь.

— Еще я очень люблю Энтони Хопкинса и Уильяма Дефо.

— Похоже, нам не сюда нужно было приезжать, а в дом престарелых. Помоложе кого-нибудь можешь назвать?

Я вздыхаю.

— Василин, хватит. Не хочу я так. — В этот момент замечаю в толпе возле бара знакомую фигуру и без эмоций добавляю: — Кстати, здесь Громов. Вот это да.

— Громов? — моментально оживившись, она начинает крутить головой по сторонам. — Кто это?

— Бывший вице-президент одной крупной логистической компании, — поясняю я, глядя, как он с улыбкой кладет руку на талию пышногрудой красавицы, которая целует его в щеку.

Его зубы светятся той же неоновой голубизной, как, впрочем, и рубашка, в которую он одет, волосы являют собой стильный хаос. Громов либо не причесывал их вообще, либо напротив — тщательно укладывал.

К щекам неконтролируемо приливает жар. Странное совпадение, да? Во второй раз в жизни выбралась в клуб и во второй раз за день встретила его. Хотя клубы наверняка привычная для Громова территория. Он сюда вписывается: модная музыка, поблещивающие из-за барной стойки бутылки с дорогим алкоголем, веселье, красивые девушки.

— Классный, — уверенно резюмирует Василина. — Берем.

— А по жопе? — моментально реагирует Карим.

Фыркнув, Вася обнимает его за шею и начинает что-то быстро шептать. Хорошо, что орет музыка, и я ничего не слышу. Пару раз невольно становилась свидетельницей их телефонных разговоров, так у меня уши потом неделями горели.

— Боюсь, Громова уже без нас взяли, — отшучиваюсь я, даже на секунду не рассматривая возможность подойти к нему ради приветствия.

Человек пришел в клуб отдыхать и вряд ли меня вспомнит. К тому же девушки подходят к нему с такой частотой, что, скорее всего, придется выстоять очередь.

На стол перед нами опускаются бокалы с коктейлями. Мой — ярко-оранжевый, с торчащим из него озорным бумажным зонтиком, Васин — полупрозрачный, с лаймом и листочками мяты. Карим заказал просто колу.

— Итак, за вечер! — громко объявляет Василина, воздевая бокал над головой. — Знайте, что я вас обоих очень люблю! Пусть у нас троих все будет хорошо!

Придерживая подол платья, упрямо ползущий вверх, я тянусь, чтобы чокнуться. «Главное, не пить больше одного», — напоминаю себе, с осторожностью прикладывая запотевшее стекло к губам.

Холодная сладковатая жидкость щекочет горло, и в следующее мгновение мир меняется. В висках что-то сдавливает и резко отпускает, отчего голова становится невесомой. Горячая вибрация крови ощущается в ступнях и кистях, а губы сами собой формируют улыбку. Господи, вот это ощущения! Будто из тела выкочил весь воздух и вместо него загнали веселящий газ. Музыка перестает казаться слишком громкой, платье — коротким и тесным. Отлично, отлично. И почему я переживала по поводу того, что не соответствую этому месту? Меня сюда впустили — значит, еще как соответствую!

— Как коктейль? — спрашивает Василина, наблюдая за мной поверх своего стакана.

— Вкуснятина! — отвечаю я неожиданно громко.

Внутри бурлит энергия... Много энергии. Скорее всего, дело в сиропе, который добавлен в коктейль. Сахар, как известно, это быстрые углеводы, провоцирующие резкий выброс инсулина, усиление кровообращения и мышечного тонуса... Вот только если не занять себя в этот момент физической активностью, велик риск набрать жир, особенно с учетом позднего времени суток... Интересно, для чего я обо всем этом думаю? Энергия есть — значит, нужно куда-то ее девать!

— Так что там про этого вице-президента? Вы знакомы?

— Утром виделись в офисе, — отвечаю я, с шумом высасывая коктейль до самого дна. — Он назвал меня красавицей и попросил сделать ему кофе.

Грохнув бокалом о стол, я одергиваю платье и поднимаюсь. Вибрация в теле разрастается и захватывает собой каждую клетку, не оставляя ни единой возможности усидеть на месте.

— И куда это ты собралась? — с подозрением щурится Вася.

Жестом, подсмотренным в рекламе шампуня, я откидываю назад волосы и трогаю языком губы, проверяя, такие ли они пухлые, какими казались в зеркале. Оставшись удовлетворенной, озорно подмигиваю ей:

— Пойду с яхтсменом поздороваюсь. Уж очень ему идет эта рубашка.

Идя от нашего стола к бару, где в данный момент обретается Громов, я вдруг четко понимаю одну очень важную вещь. Алкоголь вовсе не зло, а самое настоящее чудо. Благодаря ему мои плечи расправлены, на губах сияет победная улыбка, а ноги, обутые в пыточные шпильки, ступают непринужденно и легко. Я будто вижу себя со стороны, и увиденное мне очень нравится: обладательница пышных волос, идеальной кожи и сочных розовых губ, в красивом облегающем платье движется к бару под прицелом десятков восхищенных глаз. По сторонам я, конечно, не смотрю, но уверена, что восхищенных взглядов более чем достаточно. А почему бы им не быть? Я чувствую себя обалденно и выгляжу так же!

Опершись локтем на стойку, улыбаюсь бармену и начинаю изучать стоящую за его спиной батарею бутылок.

— Чем могу помочь? — сверкнув брекетами, улыбается он мне в ответ.

— М-м-м, — игриво тяну я, перебирая в голове список известных мне коктейлей. — Сделаешь мне... «Анальгин»?

Боковым зрением ловлю движение справа — там, где стоит Громов, — и улыбаюсь этому факту еще шире. Я правда хотела дома сидеть? Какое счастье, что передумала! И музыка такая заводная, что ноги сами в пляс пускаются.

— Может быть, «Пенициллин»? — переспрашивает бармен.

Прикрыв глаза рукой в знак смущения, я смеюсь. Стараться не нужно — громко выходит само собой. Перепутать анальгин с пенициллином, надо же... Моя бабушка, заслуженный врач с сорокатиетным стажем, сейчас бы дара речи лишилась. От этой мысли почему-то становится еще смешнее.

— Заразительно смеешься, красавица.

Глубокий баритон, раздавшийся справа, заставляет меня стихнуть и повернуть голову.

Зажав в своих до безобразия длинных пальцах стакан с темно-коричневым содержимым, на меня с интересом смотрит Громов.

— Привет и спасибо, — улыбаюсь я, глядя ему в глаза.

